

Частно-правовые (цивилистические) науки

Научная статья

УДК 347.918.2

DOI: 10.14529/law260211

СУДЕБНЫЙ НОРМОКОНТРОЛЬ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНЦИИ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СПОРОВ

Г. Н. Богдановская^{1,2}, bogdanovskaya74@mail.ru

¹Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия, г. Санкт-Петербург, Россия

²Тринадцатый арбитражный апелляционный суд, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Предметом исследования являются вопросы судебного нормоконтроля как частного случая имплементации арбитражными судами предоставленной им законом компетенции по рассмотрению хозяйственных споров. Раскрыты цели и задачи судебного нормоконтроля в системе способов защиты гражданских прав, предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации, и в правовом поле, регулируемом процессуальными нормами. Определены категории прямого и косвенного нормоконтроля, констатированы поступательные изменения арбитражного законодательства по ограничению полномочий арбитражных судов по прямому нормоконтролю, и с учетом указанных законодательных тенденций сформирована концепция предельной реализации арбитражными судами полномочий по нормоконтролю, которая ограничена вопросами косвенного нормоконтроля при рассмотрении конкретного арбитражного спора. Раскрыты вопросы ретроактивных последствий прямого нормоконтроля, сделан вывод о недопустимости произвольной реализации ретроактивной оговорки при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов.

Ключевые слова: нормативный правовой акт, полномочия арбитражного суда, правовая дисквалификация нормативного правового акта, прямой нормоконтроль, косвенный нормоконтроль, юрисдикция, темпоральная коллизия, субординационная коллизия.

Для цитирования: Богдановская Г. Н. Судебный нормоконтроль как способ реализации компетенции арбитражных судов при рассмотрении споров // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2026. Т. 26, № 2. С. 78–85. DOI: 10.14529/law260211.

Original article

DOI: 10.14529/law260211

JUDICIAL STANDARD CONTROL AS A WAY OF IMPLEMENTING THE COMPETENCE OF ARBITRATION COURTS IN DISPUTE RESOLUTION

G. N. Bogdanovskaya^{1,2}, bogdanovskaya74@mail.ru

¹Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia

²The Thirteenth Arbitration Court of Appeal, St. Petersburg, Russia

Abstract. The subject of the study is the issues of judicial regulatory control as a special case of the implementation by arbitration courts of the competence granted to them by law to consider economic disputes. The article reveals the goals and objectives of judicial regulatory control in the system of ways to protect civil rights provided for by the Civil Code of the Russian Federation and in the legal field regulated by procedural norms. The categories of direct and indirect rule control are defined, progressive changes in arbitration legislation have been established to limit the powers of arbitration courts for direct rule control, and, taking into account these legislative trends, the concept of the maximum exercise of rule control powers by arbitration courts has been formed, which is limited to issues of indirect rule control when considering a specific arbitration dispute.

The issues of retroactive consequences of direct regulatory control are disclosed, and the conclusion is made that the arbitrary implementation of a retroactive clause is unacceptable when reviewing judicial acts that have entered into force.

Keywords: regulatory legal act, arbitral court authority, legal disqualification of a regulatory legal act, direct standard control, indirect standard control, jurisdiction, temporal conflict, subordination conflict.

For citation: Bogdanovskaya G. N. Judicial standard control as a way of implementing the competence of arbitration courts in dispute resolution. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*. 2026. vol. 26. no. 2. pp. 78–85. (in Russ.) DOI: 10.14529/law260211.

Статья 6 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) устанавливает принцип законности при рассмотрении дел арбитражным судом, который обеспечивается правильным применением законов и иных нормативных правовых актов.

Одним из важных механизмов, реализующих принцип законности в ходе судебного разбирательства, является судебный нормоконтроль, который предполагает ревизию нормативных правовых актов, принятых государственными органами и органами местного самоуправления, если суд установил их порочность по форме и содержанию и счел недопустимым их применение к регулированию материальных правоотношений, являющихся предметом спора.

В силу положений абз. 13 ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) защита гражданских прав осуществляется в том числе путем неприменения судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону.

Верховный Суд Российской Федерации рассматривает указанные судебные полномочия не столько как элемент субъективных правомочий субъекта права, обратившегося за судебной защитой, сколько как составляющую публичных полномочий суда, на которого, исходя из принципа обеспечения права на судебную защиту (ст. 4 АПК РФ), возложена обязанность по надлежащему применению норм материального права, даже в случае ошибочности понимания самими субъектами права объема правового регулирования их правового конфликта (п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Однако положения указанной нормы, вопреки общепринятому мнению, не могут быть истолкованы как наделяющие арбитражные суды при рассмотрении конкретного спора неограниченными полномочиями по дисквалификации нормативного правового акта, положенного в обоснование юридических разногласий сторон судебного разбирательства. Такой подход является абсолютно разумным с точки зрения правовой доктрины, наделяющей нормативный правовой акт общеобязательной силой для неограниченного круга лиц, ввиду чего безграничный судебный нормоконтроль приведет к нарушению публичного порядка и принципа правовой определенности.

С учетом этого возникает вопрос об объеме полномочий арбитражного суда при оценке законности нормативного правового акта, применяемого при разрешении конкретного спора.

В теории права объем судебного нормоконтроля принято разделять на прямой и косвенный [6, с. 28]: к первому относят судебную проверку законности нормативного правового акта в рамках юридического дела, непосредственно инициированного для проверки такого документа, а ко второму – процессуальная ревизия судом формальных и содержательных составляющих нормативного правового акта при разрешении конкретного спора.

Учитывая общеобязательность судебных предписаний, изложенных в резолютивной части решения [2, с. 118–120], следует признать, что реализация судом прямого нормоконтроля повлечет недопустимость его применения в правоотношениях неограниченного круга лиц, тогда как при косвенном нормоконтроле изложенные в мотивировочной части решения выводы суда о дисквалификации нормативного акта не будут порочить такой акт с точки зрения его общеобязательности,

хотя справедливости ради необходимо отметить, что на практике, исходя из принципа единообразия судебной практики и недопустимости нарушения равного права на судебную защиту, при рассмотрении иного дела, но по аналогичным правоотношениям юридическая порочность такого нормативного акта, безусловно, будет приниматься судами во внимание.

Ретроспективная динамика правового регулирования полномочий арбитражных судов при осуществлении прямого судебного нормоконтроля позволяет сделать вывод о поступательном ограничении полномочий арбитражных судов в данной части.

Так, изначальная процессуальная концепция, основанная на разделении юрисдикционных полномочий арбитражных судов и судов общей юрисдикции, предполагала аналогичный порядок дифференциации полномочий судов при оспаривании нормативных правовых актов, исходя из чего к компетенции арбитражных судов относились споры по проверке законности нормативных правовых актов, затрагивающих права и законные интересы лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Однако с принятием Федерального закона 28 июня 2014 г. № 186-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» с 6 августа 2014 г. из компетенции арбитражных судов исключены дела об оспаривании нормативных правовых актов (независимо от экономического характера спора); такие полномочия оставлены только Суду по интеллектуальным правам в части нормативных правовых актов, которые отнесены к компетенции данного суда.

Наряду с этим следует отметить тенденцию к расширению предмета прямого судебного нормоконтроля в арбитражных судах, поскольку с принятием Федерального закона от 15 февраля 2016 г. № 18-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации в части установления порядка судебного рассмотрения дел об оспаривании отдельных актов» к компетенции судов относится оспаривание актов органов власти, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, чем был устранен правовой пробел, исключаящий возможность судебного оспаривания акта,

формально не обладающего признаками нормативного правового акта.

Таким образом, компетенция арбитражных судов по оценке применимости нормативного правового акта в настоящее время может быть реализована преимущественно в рамках косвенного нормоконтроля, в силу чего вопрос об объеме полномочий арбитражного суда при реализации указанной компетенции является особенно актуальным, поскольку выход за пределы лимитированного законом усмотрения может привести по существу к вмешательству в чужую судебную юрисдикцию, что нарушит принцип рассмотрения дела компетентным судом.

Вопреки мнению ряда правоведов [5, с. 240] косвенный нормоконтроль не является таким уж редким процессуальным явлением в отечественной судебной практике, поскольку нередко применяется судами при разрешении темпоральных и субординационных коллизий нормативных правовых актов.

Так, в деле № А76-9366/2015 при оценке правомерности установления зон санитарной охраны водных объектов суд дал оценку нормативным правовым актам, которыми такая зона была установлена, с позиций их соответствия Водному кодексу Российской Федерации и Федеральному закону от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и сделал вывод об их противоречии законодательству о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения, ввиду чего посчитал невозможным определение специального правового режима земельного участка, в отношении которого был заявлен спор (решение Арбитражного суда Челябинской области от 15 октября 2015 г. по делу № А76-9366/2015).

При оценке аналогичных обстоятельств по спору, вытекающему из смежных правоотношений, судами дана оценка действующим санитарным правилам, определяющим границы зоны санитарной охраны водных объектов, и границам зон, установленным высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти РСФСР, и последний нормативный акт был признан имеющим большую юридическую силу (постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 июля 2016 г. по делу № А76-1310/2016).

В рамках дела № А56-71029/2021 суд указал на невозможность оценки решения, ут-

вержденного тарифным органом для организации водопроводно-канализационного хозяйства и положенного в обоснование понесенных такой организацией расходов по подключению водопроводных сетей к централизованным сетям водоснабжения, без оспаривания такого нормативного акта в порядке прямого судебного нормоконтроля, поскольку положениями ст. 13 ГК РФ полномочия суда по оценке законности нормативного правового акта ограничены исключительно формальным (темпоральные, субординационные коллизии и пр.), а не содержательным его нормоконтролем (постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 апреля 2022 г. по делу № А56-71029/2021).

Аналогичный вывод сделан судом при рассмотрении дела № А56-37832/2021 при оценке примененного при расчете стоимости услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами норматива накопления ТКО (постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 ноября 2021 г. по делу № А56-37832/2021).

В рамках дела № А56-20813/2024 истец, являясь управляющей компанией многоквартирного дома, ссылаясь на положения ч. 10 ст. 162 Жилищного кодекса Российской Федерации, настаивал на передаче ему ответчиком, ранее исполнявшим полномочия управляющей компании, технической документации, в том числе, предусмотренных п. 1.5.1 Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда, утв. постановлением Госстроя РФ от 27 сентября 2003 г. № 170 (далее – Правила № 170), паспортов на каждую квартиру в многоквартирном доме.

Судом при оценке правомерности требований истца, среди прочего, указано на то, что Правила № 170 были приняты до вступления в силу с 1 марта 2005 г. Жилищного кодекса Российской Федерации, который по правилам темпоральной коллизии нормативных актов подлежит приоритетному нормативному применению. Именно во исполнение Жилищного кодекса Российской Федерации были впоследствии приняты Правила содержания общего имущества в многоквартирном доме, утв. Постановлением Правительства РФ от 13 августа 2006 г. № 491, п. 24 и 26 которых не предусматривают предоставление каких-либо документов, связанных с индивидуальной, а не с общей собственностью собственников

помещений в многоквартирном доме, в том числе паспортов на квартиры.

Судом также учтены цели действующего законодательного регулирования вопросов правообладания управляющей организацией технической документацией на многоквартирный дом, исходя из которых в распоряжении управляющей компании могут находиться документы, необходимые исключительно для реализации ею полномочий по управлению и эксплуатации многоквартирным домом и не связанные с реализацией иных, в том числе частноправовых, полномочий собственников отдельных квартир в многоквартирном доме. С учетом этого в удовлетворении требований истца об истребовании у ответчика паспортов на квартиры было отказано (постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 сентября 2025 г. по делу № А56-20813/2024).

Указанные судебные прецеденты позволяют констатировать, что косвенный нормоконтроль, реализуемый арбитражными судами, призван прежде всего устранить темпоральные и субординационные коллизии нормативных правовых актов и, как следствие, исключить правовой экстремизм при реализации сторонами спора права на судебную защиту, поскольку предотвращает присуждение такого предоставления, которое вступает в противоречие со смыслом законодательного регулирования правоотношений и с очевидностью противоречит публичному порядку.

Наряду с этим такой способ косвенного нормоконтроля обеспечивает возможность исправления ошибки толкования нормативного правового акта, что в свою очередь также исключает возможность его применения при наличии конфликта установленных им норм с целями правового регулирования, на что нередко обоснованно обращали внимание исследователи [4, с. 291–311].

Указанные целеполагания, как представляется, должны являться ориентиром, определяющим пределы реализации арбитражными судами полномочий по нормоконтролю, и задавать вектор формирования судебной практики в направлении допустимости только косвенного нормоконтроля и исключения прямого нормоконтроля вне предоставленной законом судебной юрисдикции.

Демонстративным примером применения такого подхода является следующий судебный прецедент.

В рамках дела № А47-1601/2017 истец отыскивал в качестве убытков арендную плату за земельный участок из числа публичных земель, размер которой был исчислен на основании нормативного правового акта, впоследствии отмененного в порядке прямого судебного нормоконтроля; истец полагал, что вследствие принятия незаконного нормативного акта им была произведена оплата арендной платы в большем размере, вследствие чего излишне уплаченная арендная плата подлежит взысканию с публично-правового образования, принявшего незаконный нормативный акт, на основании ст. 1069 ГК РФ.

Судами в удовлетворении требований истца отказано ввиду того, что арендная плата была оплачена в порядке исполнения вступившего в законную силу решения суда, поэтому суды сочли, что возврат исполненного по судебному акту нарушает принцип его общеобязательности (ст. 16 АПК РФ), а требования истца направлены на преодоление вступившего в законную силу судебного акта.

При этом истец дополнительно ссылался на то, что при рассмотрении спора о взыскании арендной платы нормативный правовой акт, утверждавший ставки арендной платы за публичные земли, уже был признан незаконным в судебном порядке, однако в нарушение ч. 5 ст. 195 АПК РФ государственный орган, принявший нормативный правовой акт, не исполнил обязанность по приведению нормативного акта в соответствие с актами, имеющими большую юридическую силу.

Отклоняя указанный довод, суды отметили, что указанная норма распространяется на случаи формального (субординационного) нормоконтроля, тогда как в данном случае оспоренный нормативный акт признан недействующим по мотиву недоказанности экономической обоснованности установленных ставок арендной платы; обстоятельства противоречия оспоренного нормативного акта иному акту, имеющему большую юридическую силу, судами при рассмотрении названных дел не установлено (постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 августа 2017 г. по делу № А47-1601/2017). Таким образом, прецедент позволяет сформировать парадигму объема косвенного судебного нормоконтроля, который предполагает оценку нормативного правового акта только по формальным критериям его соответствия закону, однако исключает воз-

можность содержательной оценки такого акта (как в приведенном примере – на предмет экономической обоснованности установленных нормативным актом тарифов), поскольку такая процедура реализуется только в порядке прямого нормоконтроля и только судами установленной юрисдикции.

Как отмечает А. О. Вифлянец, в российской процессуальной науке сложились два подхода к оценке института оспаривания нормативных правовых актов. В рамках первого оспаривание нормативных правовых актов рассматривается как специальная процедура по защите публичного интереса. В рамках второго подхода упор делается на значение процедуры оспаривания нормативных правовых актов для восстановления нарушенных гражданских прав [3, с. 69–70].

Представляется, что именно обеспечение защиты прав лица в рамках конкретного спора является определяющей парадигмой реализации судами полномочий по нормоконтролю.

Высшими судебными инстанциями последовательно формировался правовой подход, исключающий защиту правового интереса на основании отмененного в судебном порядке нормативного акта, даже если судами такой акт признан недействительным не с момента его принятия, а с момента вступления в законную силу решения суда о его оспаривании.

Согласно правовой позиции, изложенной в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2009 г. № 9330/09, обращение в суд с иском о взыскании долга, исчисленного на основании нормативного акта муниципального органа, признанного незаконным решением суда по другому делу, представляет собой злоупотребление правом, что не допускается ст. 10 ГК РФ; указанное обстоятельство не должно препятствовать лицу, которое по незаконному нормативному акту было обязано осуществлять платежи, полностью восстановить нарушенное этим актом субъективное право, а также не должно предоставлять возможность лицу, являющемуся получателем платежей на основании данного нормативного акта, получать их за период до момента вступления в силу решения арбитражного суда о признании нормативного акта недействующим.

В постановлении от 19 января 2010 г. № 12939/09 Президиум Высшего Арбитраж-

ного Суда Российской Федерации указал, что противоречащим закону может быть признан и такой нормативный акт, который к моменту рассмотрения судом дела о его оспаривании уже утратил свою силу. То есть во всех таких случаях речь идет о нарушении нормативным актом прав, имевшем место до признания судом этого акта противоречащим закону. Оспаривание нормативного акта в подобных случаях не имело бы смысла, если бы следствием этого не могли являться восстановление или защита нарушенного права.

Верховный Суд Российской Федерации в определении от 14 апреля 2016 г. № 309-ЭС15-16627 констатировал невозможность взыскания арендной платы по регулируемой цене в случае, если соответствующий правовой акт о ее установлении признан судом противоречащим закону, и признал, что иное истолкование нормы п. 1 ст. 424 ГК РФ означало бы, что кредитор вправе получать незаконно установленную цену.

Резюмировал указанные подходы к оценке ретроспективного порядка применения отмененного в порядке прямого нормоконтроля нормативного акта Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 6 июля 2018 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ч. 3 ст. 311 АПК РФ в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Альбатрос», отметив, что п. 1 ч. 3 ст. 311 АПК РФ не может рассматриваться как препятствующий пересмотру по новым обстоятельствам вступившего в законную силу судебного акта арбитражного суда по требованию лица, в связи с административным иском которого положенный в основу этого судебного акта нормативный правовой акт признан недействующим судом общей юрисдикции, притом что арбитражный суд должен исходить из того, что в деле обратившегося за таким пересмотром лица данный нормативный правовой акт в части, признанной не соответствующей иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, применяться не может – вне зависимости от того, с какого момента он признан недействующим.

Таким образом, очевидным является тот факт, что отмененный нормативный правовой акт не подлежит применению не только на будущее время, но и при регулировании ретроспективных правоотношений. Однако и в данной части следует констатировать, что

ретроспективный эффект прямого судебного нормоконтроля, как и косвенного нормоконтроля, не может быть безграничным и нарушать принцип правовой определенности.

При очевидности факта обусловленности частноправовых способов защиты интересом, обусловленным автономией воли сторон, ответ на вопрос, что же лежит в основе защищаемого интереса в публичных правоотношениях, не является столь очевидным, что породило дискуссии о межотраслевом характере публичных правоотношений [1, с. 48–56; 7, с. 146]. Несмотря на то, что резонанс от признания в судебном порядке нормативного правового акта недействительным влечет публичный эффект, поскольку распространяются на неопределенный круг лиц, все же первичным импульсом для возникновения такого спора (кроме случаев, когда он инициируется лицами, осуществляющими публичные полномочия в силу закона) является частный интерес.

Закрепив общий правовой подход о допустимости ретроактивных последствий судебного нормоконтроля в случае, если нормативный правовой акт признан недействующим с момента вступления в силу решения суда, Конституционный Суд РФ тем не менее признал, что реализованы такие последствия могут быть только лицом, инициировавшим в качестве административного истца процедуру судебной отмены нормативного акта.

Исходя из указанного подхода, суды отказывают в пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам судебных актов, на основании которых взысканы денежные средства в счет оплаты имущественного предоставления либо получено иное благо, имущественная оценка которого обусловлена действием нормативного правового акта, отмененного впоследствии в порядке прямого судебного нормоконтроля (решение тарифного органа для расчета размера платы за коммунальную услугу по отоплению и коммунальную услугу по горячему водоснабжению, решение о порядке рассмотрения патентным органом споров, связанных с выдачей патента (см. подробнее, постановления Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 ноября 2021 г. по делу № А56-70943/2020, от 22 ноября 2021 г. по делу № А56-71106/2020, определение Суда по интеллектуальным правам от 28 мая 2025 г. по делу № СИП-1235/2023).

Изложенная концепция правоприменения также подтверждает ранее изложенные суждения о невозможности безграничной реализации как самих полномочий судов по прямому и косвенному нормоконтролю, так и последствий судебной дисквалификации нормативных правовых актов.

Таким образом, положения абз. 13 ст. 12 ГК РФ, закрепляющие допустимость защиты гражданских прав путем неприменения судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону, транслируются в компетенции арбитражных судов путем реализации их полномочий по косвенному судебному нормоконтролю, который предполагает дисквалификацию нормативных правовых актов путем их оценки при рассмотрении конкретного спора и представляет собой демонстрацию публично-правовых полномочий судебных органов при защите правоотношений, вытекающих из предпринимательской и иной экономической деятельности. Как демонстрирует практика, наиболее явным и эффективным способом косвенного нормоконтроля, реализуемого арбитражными судами, является разрешение темпоральных и субординационных коллизий при разрешении конкретных споров, и, более того, именно такой объем полномочий арбитражных судов определяет и их границы, исключающие возможность оценки нормативных актов, для оспаривания которых имеется специальная процедура прямого нормоконтроля, не относящаяся в настоящее время

к компетенции арбитражных судов. При таком подходе косвенный нормоконтроль арбитражных судов должен исчерпываться исключительно формально-правовым подходом без оценки социально-экономической составляющей нормативного акта (экономической обоснованности утвержденных тарифов и иных публичных расчетных и материальных показателей), поскольку иное приведет к нарушению установленной процессуальным законом юрисдикционной дифференциации компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции, и тем самым – к нарушению основополагающего процессуального принципа законности судебного акта. Таким образом, надлежащий косвенный нормоконтроль служит залогом обеспечения конституционного права на судебную защиту.

Указанные целеполагания, как представляется, должны являться ориентиром, определяющим пределы реализации арбитражными судами полномочий по косвенному нормоконтролю, устанавливая правовые границы судебной дисквалификации нормативного правового акта для исключения таким образом возможности смешения юрисдикционных полномочий судов (в условиях, когда полномочия по прямому нормоконтролю арбитражных судов существенно ограничены) и предотвращения вмешательства судов в несоответствующую им компетенцию, и тем самым обеспечивать право стороны на рассмотрение дела компетентным (законным) судом.

Список источников

1. Богдановская Г. Н. Межотраслевая адаптация частноправовых конструкций // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 6. С. 48–56.
2. Богдановская Г. Н. Преюдиция и принцип обязательности судебных актов: проблемы соотношения и реализации в арбитражном судопроизводстве // Арбитражные споры. 2025. № 2 (110).
3. Вифлянцева А. О. Институт оспаривания нормативных правовых актов в цивилистическом процессе // Российский юридический журнал. 2021. № 1 (136). С. 69–82.
4. Седова Ж. И. Правовые формы отрицания недобросовестного поведения. М.: Статут, 2023. 486 с.
5. Султанов А. Р. Защита от нормативных актов, утративших силу // Вестник гражданского процесса. 2019. № 3. С. 231–252.
6. Усольцева З. А. Косвенный судебный нормоконтроль за актами, устанавливающими тарифы (цены) // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 3. С. 28–31.
7. Челышев М. Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 205 с.

References

1. Bogdanovskaya G. N. [Intersectoral adaptation of private law structures]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation]*, 2009, no. 6, pp. 48–56. (in Russ.)
2. Bogdanovskaya G. N. [Prejudice and the principle of binding judicial acts: problems of correlation and implementation in arbitration proceedings]. *Arbitrazhnye spory [Arbitration disputes]*, 2025, no. 2 (110).
3. Viflyantsev A. O. [Institute of Challenging Normative Legal Acts in the Civil Process]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Law Journal]*, 2021, no. 1 (136), pp. 69–82. (in Russ.)
4. Sedova Zh. I. *Pravovye formy otritsaniya nedobrosovestnogo povedeniya [Legal forms of denial of unfair behavior]*. Moscow, 2023, 486 p.
5. Sultanov A. R. [Protection from regulations that have become invalid]. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa [Bulletin of the Civil Procedure]*, 2019, no. 3, pp. 231–252. (in Russ.)
6. Usol'tseva Z. A. [Indirect judicial regulatory control over acts setting tariffs (prices)]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess [Arbitration and Civil procedure]*, 2022, no. 3, pp. 28–31. (in Russ.)
7. Chelyshev M. Yu. *Osnovy ucheniya o mezhotraslevykh svyazyakh grazhdanskogo prava [Fundamentals of the doctrine of intersectoral relations of civil law]*, Kazan', 2008, 205 p.

Информация об авторе

Богдановская Галина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала, Российский государственный университет правосудия, судья Тринадцатый арбитражный апелляционный суд, г. Санкт-Петербург, Россия.

Information about the author

Galina N. Bogdanovskaya, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Civil Procedure Law of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, Judge of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal, St. Petersburg, Russia.

*Поступила в редакцию 12 декабря 2025 г.
Received December 12, 2025.*